

21 056

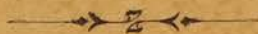

НАШИ ЗАДАЧИ

~~24078~~

НА ВОСТОКЪ

А. Г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ, 13
1904

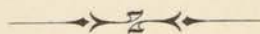

21056

НАШИ ЗАДАЧИ НА ВОСТОКЪ

~~24078~~

А. Г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія А. С. Суворина. Зртелевъ, 13
1904

68

Библиотека ИИФ СССР

и

Дозволено цензурою 25 мая 1904 г. С.-Петербургъ.

83489

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТРАН.
Введеніе	1
Ближній Востокъ	3
Средній Востокъ	21
Дальній Востокъ	26
Заключеніе	30

Государство торгово-колоніального типа допускаетъ, для постановки своихъ политическихъ задачъ, такую общую формулу: искать рынковъ для сбыта фабричныхъ производствъ, искать угольныхъ станцій на своихъ торговыхъ путяхъ и стремиться обезпечить свои пути сообщенія съ колоніями. Такая постановка задачъ ведетъ къ опредѣленнымъ приемамъ политики, именно: къ колоніальнымъ экспедиціямъ, имѣющимъ цѣлью установить въ колоніи исключительное вліяніе метрополіи; къ соглашеніямъ съ другими державами по разграниченію такъ называемыхъ сферъ вліянія; къ покупкамъ угольныхъ станцій; къ торгово-промышленнымъ предпріятіямъ въ чужихъ государствахъ. Англія присоединяетъ къ этимъ приемамъ еще приемъ крупныхъ политическихъ интригъ, что, надо полагать, объясняется тѣмъ, что иначе сравнительно небольшая метрополія и не могла бы защищать свои огромныя колоніальныя владѣнія, да еще и вести активную политику въ про-

тивовѣсъ растущему колоніальному могуществу другихъ державъ.

Государство типа континентальнаго должно бы, въ видѣ общей формулы, дать такую постановку своимъ задачамъ: расширяться безостановочно до естественныхъ, морскихъ границъ. Россія могла бы такую задачу ввести на востокъ въ практическіе приемы своей политики лишь въ томъ случаѣ, если бы Китай, Индія, Малая Азія и Аравія были пустынными пространствами, при включеніи которыхъ въ наши предѣлы не пришлось бы считаться, ни съ чуждыми намъ расами, ни съ чуждыми религіями. Но въ дѣйствительности это не такъ, и если бы намъ даже и удалось покорить Китай, Индію и Малую Азію съ Аравіей, то наша военная побѣда стала бы угрожать русскому племени этнографическимъ пораженіемъ. Наше тѣсное сосѣдство съ неустроенными восточными государствами толкаетъ насъ на невольныя завоеванія, но государственныя соображенія должны заставлять насъ удерживаться отъ территоріальнаго распространенія въ тѣ стороны, гдѣ нѣтъ надежды на заселеніе окраинъ кореннымъ русскимъ населеніемъ. Принимая во вниманіе эту сторону дѣла, постараемся выяснить наши реальные интересы на Ближнемъ, Среднемъ и Дальнемъ Востокѣ.

БЛИЖНІЙ ВОСТОКЪ.

Владѣніе нами сѣвернымъ побережьемъ Чернаго моря обезпечиваетъ намъ выходы изъ внутреннихъ, коренныхъ русскихъ областей и изъ сѣвернаго Кавказа. Стремиться къ распространенію вдоль западнаго берега Чернаго моря было бы для насъ бесполезно, потому что это побережье лежитъ на путяхъ естественныхъ выходовъ другихъ народовъ, хотя частью намъ и родственныхъ. Восточное побережье того же моря обезпечиваетъ намъ выходы изъ Закавказья и изъ Средней Азіи. Стремиться къ захвату южнаго побережья было бы для насъ бесполезно, потому что тутъ естественные выходы только изъ Малой Азіи и изъ Персіи. На Ближнемъ Востокѣ у насъ осталась теперь только одна задача, о проливахъ. Намъ важно, чтобы нашъ естественный выходъ изъ Чернаго моря былъ во всякое время свободенъ для нашихъ коммерческихъ и военныхъ судовъ, и чтобы берега

*

проливовъ не служили нашимъ врагамъ военными позиціями противъ насъ. Задача эта допускаетъ три постановки:

Три постановки нашей задачи. I. Придерживаясь историческихъ аналогій, можно предположить, что Россія станетъ продолжать территориально распространяться черезъ всю Малую Азію до самаго Константинополя, и что со стороны запада станутъ продолжать насѣдать на Турцію единоплеменные и единовѣрные намъ балканскія народности, такъ что Россія будетъ современемъ обладательницей Константинополя и проливовъ, опираясь на сухопутную базу въ Малой Азіи, на Черноморскій флотъ и на союзную армію православныхъ балканскихъ государствъ.

Можно показать, что такая постановка нашей задачи на Ближнемъ Востокѣ должна вести насъ по пути наибольшаго сопротивленія; что въ результатѣ получилось бы не усиленіе наше, а наше ослабленіе, и что поэтому благоразуміе требуетъ разъ навсегда отказаться отъ такой неблагодарной задачи.

Систематически, въ теченіе послѣдняго полу столѣтія, враждебная намъ политика Англіи въ Турціи должна быть объяснена какими нибудь реальными интересами Англіи. Въ Черноморскихъ проливахъ Англія защищаетъ безопасность того

мірового пути Гибралтаръ—Гонконгъ, обладаніе воротами котораго составляетъ самое цѣнное наслѣдіе вѣковой колоніальной политики Англіи. Здѣсь проходитъ главный жизненный нервъ Англіи. Чѣмъ больше Турція ослабляется и чѣмъ больше растетъ морское могущество Россіи въ Черномъ морѣ,—тѣмъ большую въ сказанномъ отношеніи опасность должна видѣть для себя Англія со стороны проливовъ, и если бы дѣйствительно намъ удалось захватить всю Малую Азію, то Англія должна была бы почувствовать необходимость захватить въ свою власть острова въ Архипелагѣ, такъ что послѣ, казалось бы, достиженія нашей исторической цѣли, мы снова очутились бы, при выходѣ изъ Чернаго моря, подъ выстрѣлами пушекъ, но уже не турецкихъ, а откровенно англійскихъ.

Другое затрудненіе возникло бы со стороны общихъ интересовъ всей промышленной Европы. Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ отмѣтить 1888 годъ, какъ рѣшительно критическій, когда была прорвана плотина, сдерживавшая въ прежніе вѣка вторженіе въ Турцію иностранныхъ капиталовъ и труда. Этотъ переворотъ произошелъ вслѣдствіе расширенія функцій международной финансовой администраціи *Dette Publique*. Съ 1888 года эта администрація стала завѣдывать сборомъ и передачею по назначенію денежныхъ суммъ по разнаго

рода гарантіямъ (километрическимъ и инымъ), даруемымъ турецкимъ правительствомъ иностраннымъ предпринимателямъ и иностраннымъ кредиторамъ турецкаго правительства по новымъ займамъ. На почвѣ этого переворота возникли всѣ желѣзнодорожныя предпріятія нѣмецкаго Анатолийскаго Общества, въ томъ числѣ и Багдадская желѣзная дорога. По отчетному 1899—1900 году сборъ денежныхъ суммъ по прямому назначенію Dette Publique (прежніе долги Турціи, о которыхъ только и велась рѣчь на Берлинскомъ конгрессѣ, какъ это видно изъ его 18-го протокола) достигалъ 2.000.000 турецкихъ лиръ, по дѣламъ же комиссіоннымъ, возникшимъ съ 1888 года,—1.800.000 турецкихъ лиръ, причемъ дѣятельность этого учрежденія по его первоначальному назначенію будетъ постепенно, по мѣрѣ погашенія старыхъ долговъ Турціи, убывать, новая же, комиссіонная дѣятельность станетъ постепенно возрастать. Поэтому теперь Dette Publique является не временнымъ учрежденіемъ, какъ то вытекало бы изъ смысла 18-го протокола Берлинскаго конгресса, а уже постояннымъ учрежденіемъ, обезпечивающимъ надежность помѣщенія въ Турціи иностранныхъ капиталовъ. Нашего представителя въ Совѣтѣ Dette Publique нѣтъ, да если бы онъ и былъ,—его голосъ имѣлъ бы значеніе лишь въ отношеніи единицы къ суммѣ

представителей иностранныхъ кредиторовъ Турціи. Такимъ образомъ мы должны признать, что послѣ 1888 года мы совершенно безсильны бороться противъ дальнѣйшаго наплыва въ Турцію иностранныхъ капиталовъ и труда, и что вся промышленная Европа, непрерывно усиливая свою экономическую связь съ Турціей, становится все болѣе и болѣе заинтересованною въ томъ, чтобы Турція оставалась независимымъ государствомъ, а не была бы территориально поглощена кѣмъ бы то ни было, на примѣръ, Россіей.

Но, независимо отъ изложенныхъ внѣшнихъ препятствій къ нашему территориальному распространенію по Малой Азіи, мы встрѣтили бы препятствія и внутри самой Турціи. Намъ пришлось бы овладѣвать и управлять населеніемъ, въ которомъ свыше 75⁰/₀ составляютъ мусульмане, и имѣть противъ себя мусульманское духовенство съ его прочной организаціей, независимой отъ государственной организаціи. Къ тому же, въ ближайшихъ къ нашей закавказской границѣ восьми турецкихъ виляетахъ большое значеніе имѣютъ кочевые курды, связанные родовой организаціей и извѣстные мятежнымъ духомъ, о которомъ свидѣтельствовалъ еще Ксенофонтъ.

Наконецъ, слѣдуетъ сказать, что наше стремленіе къ замѣщенію турецкой власти русской вла-

стью поставило бы насъ въ ложное положеніе и къ христіанскому населенію въ Турціи, которое до сихъ поръ смотрѣло на русскихъ какъ на избавителей, а тогда—стало бы смотрѣть какъ на соперниковъ. Здѣсь имѣются въ виду въ особенности греки и армяне.

Итакъ, на пути нашего стремленія къ территориальному распространенію черезъ всю Малую Азію до Константинополя лежатъ всѣ препятствія, какія только можно себѣ представить: чуждое по расѣ и по вѣрѣ населеніе, сопротивленіе мусульманскаго духовенства, интересы всей промышленной Европы и интересы Англіи, не говоря уже о сопротивленіи турецкой государственной власти. И въ результатъ такого труда насъ встрѣтили бы англійскія пушки въ Архипелагѣ. Такая постановка задачи слишкомъ неблагоприятна, и благоразуміе требуетъ отказаться отъ руководства въ будущемъ однѣми историческими аналогіями.

II. Не только территориальный захватъ Малой Азіи, но и наше исключительное вліяніе въ Турціи, какое принадлежитъ намъ, на примѣръ, въ Хивѣ и въ Бухарѣ, не можетъ считаться достижимой для насъ цѣлью. По своему географическому положенію, Малая Азія обращена къ намъ самой высокою (6.000 футъ), самой бѣдной и самой недоступной частью, а къ Западной Европѣ, наоборотъ,

обращена самой низкой, самой теплой и богатой, самой доступной своей частью. Уже по одной этой причинѣ мы не можемъ успѣшно бороться противъ иностраннаго вліянія въ Турціи и мечтать его современемъ вытѣснить. Къ этому присоединяется переворотъ 1888 года, о которомъ было выше сказано и который оставляетъ насъ безоружными противъ проникновенія въ Турцію иностранныхъ капиталовъ и труда. Наконецъ, по отношенію къ Россіи, какъ къ государству не-колониальному, невозможно на практикѣ установить различія между стремленіемъ къ распространенію нашего исключительнаго вліянія и стремленіемъ къ территориальному захвату: мы встрѣтили бы, въ особенности со стороны Англіи, тѣ же самыя препятствія.

III. Благопріятная намъ постановка задачи о проливахъ получается сама собой при правильной оцѣнкѣ взаимной связи интересовъ Турціи, Германіи и Англіи. Мы можемъ не принимать во вниманіе ни Францію, интересы которой лежатъ главнымъ образомъ въ Сиріи, ни Австрію и Италію, интересы которыхъ лежатъ главнымъ образомъ въ западной части Балканскаго полуострова. Въ вопросѣ собственно о проливахъ заинтересованы, но по различнымъ мотивамъ, только Турція, Россія, Англія и Германія.

Интересы Турціи. Турціи важно только одно: не только сохранить свою самостоятельность, но и развиваться какъ мусульманское государство. Если исключить изъ этой задачи вопросъ о судьбѣ нѣкоторыхъ областей, населенныхъ преимущественно христіанами, а равно вопросъ о судьбѣ Константинополя; то окажется, что интересы Турціи не только не противорѣчатъ интересамъ Россіи и Германіи, а наоборотъ, вполне имъ соотвѣтствуютъ.

Интересы Германіи. Интересы Германіи въ Турціи слѣдуетъ разобрать очень внимательно, потому что этотъ новый и трудный вопросъ считается у насъ почему-то уже вполне разъясненнымъ, и теперь господствуетъ только одинъ общепринятый взглядъ, будто бы Германія стремится къ нѣмецкой колонизаціи, а затѣмъ и къ территориальному захвату Малой Азіи, и такимъ образомъ, становясь поперекъ историческаго пути Россіи, имѣетъ въ виду лишить ее трудовъ ея вѣковыхъ усилій. Отсюда, какъ выводъ для нашей практической политики, получается необходимость для насъ отстаивать свое вѣковое достоинство и противодѣйствовать Германіи. Ниже вопросъ этотъ излагается въ иномъ освѣщеніи, совершенно расходящемся съ установившимся у насъ изложеннымъ единственнымъ взглядомъ.

Тѣ самыя причины, которыя должны побуждать насъ уклоняться отъ стремленія къ территориальному захвату Малой Азіи, должны побуждать и Германію къ такому же уклоненію. Нѣмецкая колонизація въ Малой Азіи есть совершенно неосуществимая мечта, отъ увлеченія которой предостерегаетъ напр. и хорошо знающій турецкія условія извѣстный фонъ-деръ-Гольцъ. Но, кромѣ общихъ съ нами причинъ желать уклоняться отъ территориальнаго захвата Малой Азіи, Германію должны побуждать къ тому же и другія причины.

Германія не граничитъ съ Малой Азіей, а должна бы подойти къ ней черезъ полуславянскую Австрію и славянскій Балканскій полуостровъ. Противоположеніе міровъ германскаго и славянскаго слѣдовало бы понимать только въ смыслѣ культурной борьбы, въ которой опорою славянъ всегда будетъ Россія. Борьба эта можетъ продолжаться вѣчно, не только безъ вреда для славянъ, но съ несомнѣнной пользою для нихъ, потому что только борьба даетъ стимулъ къ совершенствованію.—Что же касается до этнографическаго поглощенія германцами славянъ, то такое поглощеніе совершенно невѣроятно по двумъ причинамъ: славянскія племена, съ ясно уже и теперь выраженными національными стремленіями, будутъ продолжать оставаться на своей родинѣ, а извѣ-

*

стно, какъ сильно вліяетъ обстановка родины на сохраненіе національности: нѣмцы могли бы быть лишь немногочисленнымъ пришлымъ элементомъ; съ другой стороны, и сами нѣмцы вовсе не обладаютъ какою нибудь исключительною устойчивостью расы, а наоборотъ, весьма легко теряютъ свою національность, какъ это постоянно наблюдается среди образованныхъ классовъ въ Россіи, Франціи, Англіи и Америкѣ. Если бы Германія сдѣлала ошибку, рѣшившись территоріально распространяться черезъ Австрію, Балканскій полуостровъ и Малую Азію съ Месопотаміей, то она рисковала бы обезсилить германскій элементъ раствореніемъ его въ морѣ славянъ и мусульманъ.

При территоріальномъ распространеніи на юго-востокъ Германія стала бы поперекъ естественнаго выхода Россіи изъ Чернаго моря и подставила бы свой длинный и потому слабый флангъ, особенно въ проливахъ, подъ вѣчную угрозу бокового удара со стороны Чернаго моря, имѣя къ тому же противъ себя все населеніе Балканскаго полуострова и всей Азіатской Турціи. Торгово-промышленное развитіе Германіи могло бы отъ такого положенія только вѣчно страдать.

Итакъ, стремленіе къ территоріальному распространенію на юго-востокъ было бы со стороны Германіи неблагоприятно и безцѣльно.

Совсѣмъ другая картина получается, если исключить изъ программы Германіи всякую мысль о желаніи территоріально когда либо распространиться на юго-востокъ, а ограничиться предположеніемъ стремленія только къ одному торгово-промышленному распространенію въ томъ же направленіи.

Торгово-промышленная дѣятельность Германіи въ Малой Азіи. Торгово-промышленное распространеніе Германіи черезъ всю Малую Азію до Персидскаго залива означаетъ привлеченіе въ Турцію только однихъ капиталовъ и труда и развитіе нѣмецкой торговли, при ограниченномъ личномъ составѣ нѣмцевъ, которые стали бы проживать въ Турціи въ качествѣ руководителей и главныхъ служащихъ при торгово-промышленныхъ предпріятіяхъ. Руководители и служащіе могутъ насчитываться сотнями и тысячами, но мнліоны нѣмцевъ, вложившихъ въ германскія предпріятія въ Турціи свои сбереженія и проживающіе въ Германіи, будутъ имущественно заинтересованы въ сохраненіи самостоятельности турецкаго государства и въ мирномъ теченіи въ немъ государственной жизни.

Торгово-промышленный захватъ страны есть твореніе исключительно культурное и болѣе хрупкое, нежели захватъ территоріальный. Поддержи-

вать такое твореніе своей арміей невыгодно, нападеніе же непріятельской арміи на экзотическія предпріятія можно уподобить развѣ непріятельскому нашествію на собственную страну предпринимателей.

Какъ въ своей странѣ имущественные интересы гражданъ охраняются сложнымъ государственнымъ устройствомъ, точно такъ-же и экзотическія предпріятія въ мало-культурной странѣ требуютъ соотвѣтствующихъ заботъ, которыя должны вытекать не изъ какихъ нибудь случайныхъ, временныхъ соглашеній, а только изъ убѣжденія въ согласуемости общихъ основъ политики. Именно такая согласуемость существуетъ у Германіи по отношенію къ Турціи.

Только совершенной увѣренностью, что ей не придется воевать съ Турціей, можно себѣ объяснить, что Германія дала на службу Турціи такую крупную рабочую силу, какою былъ фонъ-деръ-Гольцъ-паша, и продолжаетъ поставлять Турціи военныхъ инструкторовъ. Такой образъ дѣйствія Германіи былъ бы совершенно нецѣлесообразнымъ, если бы она сама мечтала когда либо территориально захватить Малую Азію; но хорошая и сильная турецкая армія нужна Германіи для обезпеченія ея экзотическихъ предпріятій, что прежде всего достигается поддерживаніемъ независимости

Турціи. Если обученная германскими инструкторами турецкая армія можетъ быть направлена, между прочимъ, и противъ Россіи, то это еще не есть достаточная причина дѣлать заключеніе, что Германія только съ этой цѣлью и содержитъ ихъ.

Въ заботахъ о безопасности своихъ экзотическихъ предпріятій Германія должна однако принимать во вниманіе не только себя самое и Турцію, но и другія державы, имѣющія въ Турціи интересы, именно—Россію и Англію. Создавая свое культурное твореніе въ Малой Азіи, Германія должна была взвѣсить: не нарушаются ли ею какіе нибудь существенные интересы Россіи и Англіи? Если выступленіе Германіи съ обширной торгово-промышленной программой въ Малой Азіи было сдѣлано обдуманно, то уже самый фактъ такого выступленія долженъ бы наводить на мысль, что во мнѣніи Германіи не существуетъ такихъ непримиримыхъ противорѣчій, какія были бы для нея чреваты грозными послѣдствіями.

Взаимные интересы Россіи и Германіи. И дѣйствительно, становясь, при оцѣнкѣ цѣлей германской политики въ Турціи, на выше объясненную точку зрѣнія, нельзя указать на непримиримыя противорѣчія между русскими и германскими интересами въ Турціи, такъ какъ наша, давно всѣмъ извѣстная и единственная потребность рас-

полагать, въ видахъ самообороны, Черноморскими проливами не противорѣчитъ реальнымъ интересамъ Германіи, которая должна была приготовиться согласиться на любую изъ двухъ комбинацій: 1) поддержку Германіей русской политики въ Турціи, или 2) непротивленіе переходу Константинополя и проливовъ во власть Россіи. Что же касается нѣмецкаго желѣзнодорожнаго строительства въ Малой Азіи, то слѣдуетъ прежде всего припомнить сказанное выше, т. е. что съ 1888 года мы стали совершенно безсильны бороться противъ расширенія желѣзнодорожной сѣти въ Турціи, а затѣмъ сказать, что въ экономическомъ отношеніи нѣмецкія, какъ и всякія желѣзныя дороги въ Малой Азіи, довольно безвредны для насъ, такъ какъ о какомъ-либо исключительномъ завоеваніи турецкаго рынка мы никогда не можемъ мечтать. Въ военномъ же отношеніи желѣзныя дороги въ Малой Азіи нежелательны намъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой вообще бываетъ нежелательно улучшеніе путей сообщенія у сосѣда. Противъ этого рода невыгодъ мы имѣемъ возможность бороться соответствующимъ улучшеніемъ путей сообщенія въ Закавказьѣ. Багдадская желѣзная дорога уже потому не составляетъ въ этомъ отношеніи никакого исключенія, что и безъ Багдадской дороги существуетъ почти параллельный морской путь на Суэцъ.

Связь интересовъ Германіи и Англіи. Со-
всѣмъ иною представляется, по отношенію къ тор-
гово-промышленной дѣятельности Германіи въ Ма-
лой Азіи, связь интересовъ Германіи и Англіи.

Англія не имѣетъ причинъ опасаться Германіи
со стороны собственно Черноморскихъ проливовъ,
такъ какъ эти проливы не составляютъ естествен-
наго пути Германіи. Но, расширяя свою торгово-
промышленную дѣятельность въ Малой Азіи, Гер-
манія 1) усиливаетъ себя вообще въ экономиче-
ской борьбѣ съ Англіей, и 2) въ особенности Баг-
дадской желѣзной дорогой грозитъ развить свои
торгово-политическіе интересы въ Индѣйскомъ
океанѣ, вслѣдствіе чего начинаетъ уже и теперь
психологически давить на Англію своей будущей
потребностью въ обезпеченности свободы плава-
нія черезъ ворота на пути Гибралтаръ—Гонконгъ.
Въ этомъ отношеніи весьма знаменательны недав-
нія дѣйствія англійской дипломатіи: какъ только
нѣмцы получили въ 1902 году Багдадскую кон-
цессию и приступили къ постройкѣ Багдадской
дороги, такъ Англія стала заботиться объ усиле-
ніи своего стратегическаго положенія въ воротахъ
пути Гибралтаръ—Гонконгъ, и въ 1903 году под-
чинила своему вліянію Оманскаго султана, владѣ-
нія котораго занимаютъ стратегическую позицію
при выходѣ изъ Персидскаго залива въ Индѣйскій

83489

океанъ, а въ 1904 году, путемъ нѣкоторыхъ уступокъ Франціи по колониальнымъ вопросамъ, укрѣпила свое положеніе въ Египтѣ; а сверхъ того усилила свое положеніе и въ Аденѣ.

Между Англіей и Германіей идетъ глухая борьба, которая постепенно переносится изъ области торгово-промышленной въ область торгово-политическую. Постройка нѣмцами Багдадской дороги только въ этомъ смыслѣ и имѣетъ міровое значеніе.

Экономическое соперничество Соединенныхъ Штатовъ. Предстоящее прорытіе Панамскаго канала приблизитъ на 500 миль атлантическіе порты Сѣверной Америки къ Тихоокеанскому побережью Азіи, гдѣ промышленная Европа будетъ имѣть въ лицѣ Соединенныхъ Штатовъ новаго, опаснаго соперника. Захватомъ Филиппинскихъ острововъ Соединенные Штаты уже заблаговременно вышли на міровой путь Гибралтаръ—Гонконгъ, такъ что Германія, содѣйствуя своей Багдадской дорогой облегченію сношеній съ Индѣйскимъ океаномъ, прозорливо идетъ навстрѣчу будущимъ интересамъ своей торговли на Дальнемъ Востока. Въ этомъ смыслѣ Багдадская дорога, находясь въ нѣмецкихъ рукахъ, является угрозою экономическимъ интересамъ не только Англіи, но и Соединенныхъ Штатовъ.

Связь интересовъ Россіи и Англіи. Россія и Англія имѣютъ въ Черноморскихъ проливахъ интересы прямо противоположные: Англія, защищая свой путь Гибралтаръ—Гонконгъ, должна стремиться закрыть проливы для Россіи; Россія, въ видахъ самообороны, должна стремиться открыть проливы только для себя. Хотя теперь Англія недавними успѣхами своей дипломатіи и укрѣпилась въ Оманѣ, Аденѣ и Египтѣ, однако возможность согласованія въ Черноморскихъ проливахъ интересовъ Германіи и Россіи и вѣроятность стихійнаго вовлеченія Турціи въ русско-германскую политику должны представляться Англіи угрозою для ея жизненнаго нерва, а потому все, что мы со своей стороны сдѣлаемъ для уменьшенія этой угрозы, должно содѣйствовать дѣлу мира. Было бы напраснымъ трудомъ искать рѣшенія этого вопроса въ выборѣ той или иной политики нашей собственно по отношенію къ Турціи, потому что никакая политика не можетъ, ни уничтожить, ни ослабить факта, что Черноморскіе проливы составляютъ единственный выходъ для насъ изъ Чернаго моря. Но соотвѣтствующей политикой на Среднемъ и Дальнемъ Востокѣ мы можемъ ослабить самую потребность для насъ пользоваться Черноморскими проливами какъ военными путями сообщенія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, уменьшить и по-

*

БЛИЖНІЙ ВОСТОКЪ

требность пользоваться для той же цѣли англійскими воротами на пути Гибралтаръ — Гонконгъ. Мы должны стремиться къ уменьшенію этихъ настоящихъ нашихъ потребностей и потому, что у насъ нигдѣ нѣтъ промежуточныхъ угольныхъ станцій, такъ что въ военномъ отношеніи означенный путь намъ и самимъ крайне неудобенъ.

СРЕДНІЙ ВОСТОКЪ.

Не касаясь частныхъ вопросовъ Средняго Востока, именно нашей политики по отношенію къ Афганистану, къ Сѣверной Персіи и къ Восточному Туркестану, рассмотримъ только конечную цѣль, которая можетъ, или обострить, или сгладить наши отношенія съ Англіей, смотря потому, какъ мы эту цѣль будемъ понимать и какъ будемъ сообразовать съ ней свои дѣйствія.

Конечная цѣль нашего надвиганія къ югу понимается у насъ, надо полагать, въ смыслѣ предстоящаго нашего территоріальнаго распространенія черезъ Персію и Белуджистанъ до береговъ Индѣйскаго океана. Учитывая впередъ наши будущія здѣсь торговыя выгоды и наши политическія пріобрѣтенія, у насъ, повидимому, рассчитываютъ постройкою трансперсидскихъ желѣзныхъ дорогъ бороться противъ, яко-бы, грозящей нашимъ буду-

щимъ здѣсь интересамъ опасности со стороны нѣмецкой Багдадской дороги.

Противъ постройки нами трансперсидскихъ желѣзныхъ дорогъ можно выставить слѣдующія соображенія:

I. Какою бы цѣлью намъ ни суждено было ограничиться въ нашемъ поступательномъ движеніи къ югу, въ постройкѣ государствомъ не-колониальнаго типа, какова Россія, трансперсидскихъ желѣзныхъ дорогъ Англія можетъ видѣть только намѣреніе къ территоріальному распространенію до Индѣйскаго океана. Слѣдовательно, уже только одно рѣшительное намѣреніе постройки должно ухудшить наши отношенія съ Англіей и должно заставить ее принимать свои мѣры къ обезпеченію англійскихъ интересовъ. Мѣры эти могутъ заключаться не только въ усиленіи активности англійской политики въ сосѣднихъ съ Индіей государствахъ, но и въ политическихъ интригахъ, веденныхъ по міровому масштабу. Очень вѣроятно, на примѣръ, что заключенный въ 1902 году англо-японскій союзъ былъ, между прочимъ, вызванъ соображеніями о необходимости создать для Россіи финансовыя затрудненія, въ видахъ предупрежденія постройки трансперсидскихъ желѣзныхъ дорогъ.

II. Персидскимъ рынкомъ мы въ значительной мѣрѣ ($\frac{2}{5}$) владѣемъ и безъ персидскихъ дорогъ; слѣдовательно, постройка послѣднихъ довольно безцѣльна.

III. Трансперсидскія желѣзныя дороги, безъ развитія въ Индѣйскомъ океанѣ нашего коммерческаго флота, будутъ работать только на пользу англійской торговли. Если же въ Индѣйскомъ океанѣ станетъ развиваться русскій торговый флотъ, то мы, для его защиты военнымъ флотомъ, должны будемъ заботиться также о пріобрѣтеніи угольныхъ станцій, т. е. должны будемъ вступить на путь колоніальной политики, вслѣдствіе чего важность для насъ свободы плаванія черезъ находящіеся во власти Англіи морскіе проливы и Суэцкій каналъ усилится, а это усилитъ противо-дѣйствіе намъ Англіи и на Ближнемъ Востокѣ. Другими словами, если теперь мы давимъ на Англію психологически, одною силою внушаемаго нами страха отъ непрерывнаго надвиганія Россіи изъ Средней Азіи къ сторонѣ Индіи, то тогда станемъ давить и силою нашихъ экономическихъ интересовъ въ Индѣйскомъ океанѣ.

IV. Въ смыслѣ соперничества въ быстротѣ сообщеній, трансперсидскій путь хотя и имѣетъ нѣкоторое преимущество передъ Багдадскимъ путемъ, однако незначительное, всего, считая напр. отъ

Остенде, около 800 верстъ; но, съ другой стороны, онъ будетъ уступать Багдадскому пути въ легкости сообщеній, потому что проходитъ сѣвернѣе и восточнѣе его, гдѣ нагорье Передней Азіи имѣетъ значительно большую абсолютную высоту и лишено такихъ широкихъ и удобныхъ долинъ, каковыми являются долины Ефрата и Тигра.

V. Самая мысль желать бороться съ Багдадской дорогой постройкой трансперсидскаго пути представляется, съ излагаемой здѣсь точки зрѣнія, неправильной, потому что вытекаетъ изъ противоположенія въ Багдадскомъ предпріятіи интересовъ Россіи и Германіи, между тѣмъ какъ этимъ предпріятіемъ интересы Россіи и Германіи на Ближнемъ Востокѣ сближаются, и рѣшенію всего Восточнаго вопроса открываются неожиданныя, выгодныя намъ перспективы, включая и переходъ въ нашу власть Константинополя и проливовъ; нарушаются же интересы главнымъ образомъ не Россіи, а Англіи, чему косвеннымъ подтвержденіемъ можетъ служить начавшееся, какъ разъ вслѣдъ за полученіемъ 8 января 1902 года Багдадской концессіи Анатолійскимъ Обществомъ, усиленіе дипломатической дѣятельности Англіи по укрѣпленію своего стратегическаго положенія на пути Гибралтаръ-Гонконгъ: въ Персидскомъ заливѣ, въ Аденѣ и въ Египтѣ. Первымъ же дѣломъ

Англїи было спѣшное заключеніе 30 января (н. ст.) 1902 г. англо-японскаго союза.

Наши реальные интересы на Среднемъ Востокѣ заключаются только въ укрѣпленіи нашего настоящаго тамъ положенія, но не въ стремленіи къ территоріальному распространенію до побережья Индѣйскаго океана.

ДАЛЬНІЙ ВОСТОКЪ.

Изо всѣхъ нашихъ окраинъ Дальній Востокъ долженъ быть признанъ окраиной исключительной по тому вліянію, какое тотъ или иной образъ нашей дѣятельности тамъ способенъ оказать на все наше международное положеніе. При одномъ нашемъ образѣ дѣйствій на Дальнемъ Востокѣ, мы будемъ способствовать обостренію нашихъ отношеній съ Англіей на Ближнемъ и Среднемъ Востокѣ; при другомъ, наоборотъ,—будемъ идти навстрѣчу сближенію съ Англіей. Такая разница въ послѣдствіяхъ должна проистекать изъ большого значенія, какое имѣетъ для Англіи обладаніе ею воротами на пути Гибралтаръ-Гонконгъ. Чѣмъ болѣе мы будемъ нуждаться въ обезпеченности свободы плаванія по этому пути, тѣмъ больше должна опасаться насъ Англія и стремиться противодѣй-

ствовать намъ на Ближнемъ и Среднемъ Востокѣ, и наоборотъ.

Освободиться отъ существующей надобности для насъ въ обезпеченіи свободы плаванія на пути Гибралтаръ—Гонконгъ мы можемъ только созданіемъ на Дальнемъ Востокѣ самостоятельной морской базы, при соотвѣтствующемъ оборудованіи ея въ отношеніяхъ техническомъ, хозяйственномъ и военномъ.

Создать такую базу мы не можемъ при нашихъ настоящихъ государственныхъ границахъ на Дальнемъ Востокѣ по слѣдующимъ причинамъ: а) Наши два порта, Владивостокъ и Петропавловскъ, замерзаютъ, и нельзя оборону государственной границы ставить въ зависимость отъ исправности работы нѣсколькихъ ледоколовъ, въ то время какъ противникъ пользуется по близости нашихъ границъ незамерзающими портами. б) Изъ этихъ двухъ портовъ главный, Владивостокъ, не имѣетъ свободнаго выхода къ океану, а окруженъ со всѣхъ сторонъ японскими островами; другой, Петропавловскъ, слишкомъ удаленъ, какъ отъ театра будущихъ войнъ, такъ и отъ тѣхъ раіоновъ, въ которыхъ можно ожидать населенности и развитія промышленности, горной и заводской. Что же касается до Портъ-Артура, то его уединенное положеніе слишкомъ опасно, а

*

главное,—выходъ отъ Квантуна къ свободному океану находится подъ запоромъ близко сходящихся береговъ Желтаго моря.

Только на южномъ и западномъ побережьяхъ Кореи мы можемъ найти порты, удовлетворяющіе условіямъ прочнаго и самостоятельнаго обоснованія нашей морской базы; но такая задача не исчерпывается занятіемъ однихъ портовъ. Надежное ея рѣшеніе требуетъ: 1) распространенія нашего исключительнаго вліянія во всей Корее, въ Сѣверной и Южной Маньчжуріи, или включенія ихъ въ наши предѣлы; 2) созданія на Дальнемъ Востокѣ, именно въ Сѣверной Маньчжуріи, прочнаго для насъ оплота путемъ колонизаціи ея кореннымъ русскимъ населеніемъ; 3) экономического развитія края, съ созданіемъ въ немъ горной и заводской промышленности.

При правильномъ пониманіи взаимныхъ интересовъ Россіи и Англіи, какъ государствъ двухъ противоположныхъ, т. е. дополняющихъ другъ друга типовъ, Англія должна бы вполнѣ сочувственно относиться къ такой широкой постановкѣ нашихъ задачъ на Дальнемъ Востокѣ, потому что такой постановкой интересы обѣихъ державъ сближались бы, и Англія навсегда успокоилась бы отъ угрозы русскаго нашествія на Индію и русскаго удара со стороны Черноморскихъ

проливовъ. Предстоящее прорытіе Панамскаго канала содѣйствовало бы при этомъ условіи еще большему нашему сближенію съ Англіей, потому что еще болѣе уменьшало бы для насъ значеніе пути Гибралтаръ—Гонконгъ.

Но, и независимо отъ общеполитическихъ соображеній, прямая необходимость созданія самостоятельной морской базы на Дальнемъ Востокѣ, съ оборудованіемъ ея въ техническомъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, вытекаетъ изъ соображеній безопасности нашихъ Тихоокеанскихъ владѣній. Опытъ настоящей войны достаточно показываетъ, насколько неудобно во время войны на Дальнемъ Востокѣ имѣть техническую базу для флота только въ Финскомъ заливѣ, при отсутствіи угольныхъ станцій на всемъ протяженіи отъ Балтійскаго моря до Тихаго океана.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Признавая жизненное для Англіи значеніе обладанія ею воротами на морскомъ пути Гибралтаръ—Гонконгъ, задачи Россіи на Ближнемъ, Среднемъ и Дальнемъ Востокѣ можно вкратцѣ свести къ слѣдующимъ постановкамъ.

Ближній Востокъ. Торгово - промышленное распространеніе Германіи на юго-востокъ, черезъ Малую Азію къ Персидскому заливу, затрагиваетъ главнѣйшимъ образомъ торгово-политическіе интересы Англіи; намъ же такое распространеніе не только не опасно, но выгодно, потому что сближеніемъ интересовъ Германіи, Россіи и Турціи оно открываетъ намъ новыя перспективы къ окончательному рѣшенію Восточнаго вопроса въ благопріятномъ намъ 'смыслѣ, изъ котораго не исключается передача во власть Россіи Константинополя и проливовъ. Сближеніе интересовъ Россіи, Германіи и Турціи невыгодно только Англіи, однако лишь при

условіи, что наша потребность въ обезпеченіи свободы сообщеній черезъ англійскія ворота на пути Гибралтаръ—Гонконгъ будетъ составлять вѣчную угрозу для Англіи.

Средній Востокъ. Намъ слѣдовало бы отказаться отъ стремленія къ территоріальному распространенію черезъ Персію и Белуджистанъ къ побережью Индѣйскаго океана, потому что въ этомъ направленіи намъ не представляется никакой будущности, ни экономической, ни военно-политической, а между тѣмъ одно опасеніе такого нашего стремленія уже способно давить на наши отношенія съ Англіей, результаты же давленія мы ощущаемъ на противодѣйствіи намъ англійской политики въ Константинополѣ и на Дальнемъ Востокѣ. На Среднемъ Востокѣ намъ слѣдовало бы ограничиться рѣшеніемъ мѣстныхъ вопросовъ о включеніи въ сферу нашего вліянія тѣхъ или иныхъ сосѣднихъ областей, лишь въ видахъ укрѣпленія нашего настоящаго положенія въ Средней Азіи, но безъ видовъ на наше дальнѣйшее распространеніе къ Индѣйскому океану.

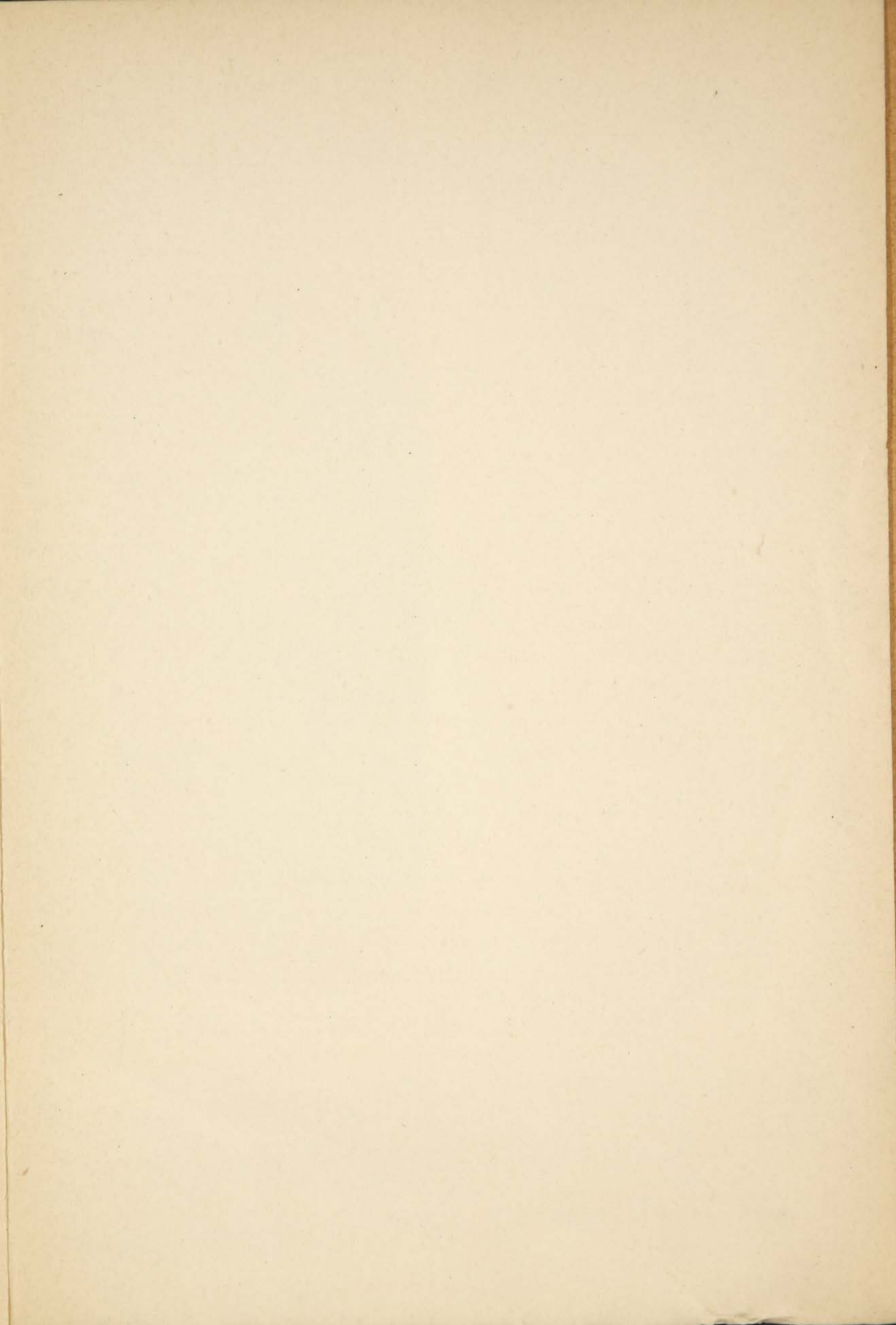
Дальній Востокъ. Наша окончательная задача должна бы заключаться въ созданіи на Дальнемъ Востокѣ самостоятельной морской базы, съ оборудованіемъ ея въ отношеніяхъ: техническомъ, хозяйственномъ и военномъ. Такая задача

ЗАКЛЮЧЕНІЕ

требуетъ нашего исключительнаго вліянія въ Корей, Южной и Сѣверной Маньчжуріи, или включенія ихъ въ наши предѣлы. При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что наше политическое распространеніе на Дальнемъ Востокѣ соотвѣтствуетъ нашимъ насущнымъ, историческимъ интересамъ на Ближнемъ Востокѣ въ томъ смыслѣ, что, обезпечивая намъ созданіе самостоятельной морской базы на Тихоокеанскомъ побережьѣ, обѣщаетъ передать намъ въ нашу власть Константинополь и проливы съ наименьшими затрудненіями, такъ что въ результатъ нашей войны съ Японіей должно получиться наше сближеніе съ двумя соперничающими между собою державами: Германіей и Англіей.

Столь благопріятный для насъ результатъ способенъ окупить даже очень тяжелыя жертвы, какихъ можетъ стоить намъ настоящая война; однако на такой результатъ мы могли бы рассчитывать современемъ только послѣ рѣшительной побѣды надъ Японіей. Всякій же иной исходъ войны лишь отсрочилъ бы достиженіе нами той же цѣли, а до тѣхъ поръ создалъ бы на Дальнемъ Востокѣ продолжительный вооруженный миръ.

Цѣна 60 коп.